

Светские служители Спасо-Яковлевского монастыря

А. Е. Виденева, Н. В. Грудцына

В статье обобщены сведения о светских служителях, состоящих в штате Спасо-Яковлевского Дмитриева монастыря в XVIII–XIX вв. Рассмотрены их должностные обязанности, условия работы, профессиональная дифференциация, численность, способы комплектования и средства материального обеспечения.

Ключевые слова: монастырское хозяйство, бытовой уклад, светские служители, штаты служителей, профессиональная специализация, династии, средства материального существования, ростовская финифть.

Secular Attendants of the Spaso-Jakovlevsky Monastery

A. E. Videneva, N. V. Grudtsyna

In the article data on the secular attendants of the staff of the Spaso-Jakovlevsky Dimitriev Monastery are generalized during XVIII–XIX centuries. Are considered their official duties, work conditions, professional differentiation, quantity, ways of acquisition and means of material maintenance.

Key words: a monastic farm, household way, secular attendants, staff of attendants, professional specialisation, dynasties, means of material existence, the Rostov enamel.

С середины XVIII столетия начинается расцвет Спасо-Яковлевского Дмитриева монастыря, основанием которого явилась канонизация святителя Дмитрия Ростовского. Вскоре после монастырской реформы 1764 г. он был причислен к монастырям II класса. С этого времени, согласно своему статусу, обитель получила возможность принять на содержание 16 светских работников, которые составили штат монастырских служителей. Позднее, в 30-х гг. XIX в., Спасо-Яковлевский монастырь был возвышен до I класса, с тех пор, вплоть до 1918 г., в его штате находилось 24 служителя [1].

Об этих людях, которые работали на монастырь, обеспечивали его жизнедеятельность и охраняли его, нам и хотелось бы рассказать. Сколько их было, что они делали, как жили? Ответить на эти вопросы помогли документы монастырского архива. В качестве основных источников были использованы разновременные формулярные ведомости, ревизские сказки и списки служителей, приходо-расходные книги, адресованные в монастырь указы и рапорты настоятелей.

Начнем с того, что в штате Яковлевского монастыря служители состояли и до вышеупомянутой монастырской реформы. К примеру, в середине XVIII в., согласно синодальной ревизии, при монастыре числились пятеро служителей: конюх, хлебник, повар и два дворника [2]. Однако после реформы 1764 г. численность штатных монастырских работников была законодательно упорядочена и по сравнению с предыдущим временем существенно увеличена.

Штатными эти служители назывались потому, что они работали на монастырь и находились на

его содержании на протяжении многих лет, как правило, посвящая службе в обители всю свою жизнь. Это была категория постоянных работников, в отличие от мастеров, регулярно нанимаемых по контрактам, на время, для выполнения определенных видов работ.

Половине штатных монастырских служителей – восьми из шестнадцати, поручались постоянные должности – поваров, келейников, истопников, конюхов, кучеров. Вторая половина работников несла охрану монастыря, а также выполняла разнообразные хозяйственные обязанности. Сторожа работали посменно, по четыре человека, сменяясь через неделю. Примечательно, что, наряду с охраной монастыря, они выполняли обязанности звонарей [3].

В монастырском архиве сохранился уникальный документ – должностная инструкция («внушение»), разработанная архимандритом Иннокентием в 1823 г. и адресованная восьми монастырским служителям, исполнявшим в то время обязанности сторожей: Ивану Наумову, Александру Алексею, Андрею Петрову, Алексею Дмитриеву, Ивану Андрееву, Никите Михайлову, Алексею Петрову и Якову Иванову.

«1-е. Ежечасно раза по два и более осматривать церкви, полатки и ворота монастырские, все ли заперты, целы ли двери, замки и окна, и прислушивать, нет ли где внутри стуку, шуму и необыкновенного огня, и по пробитии каждого часа стучать в доску и околачивать часы, давая чрез то знать настоятелю монастыря о недремленном своем карауле, что также делать и в случае остановки колокольных часов.

2-е. За полчаса пред заутренями будить пономаря и всю братию, очищать зимою снег с дорог

от келей до церкви и потом в назначенное время производить благовест и звон.

3-е. Одному сторожу, яко часовому, во время службы, когда братия из келей своих все исходят в церковь, примечать, чтоб из приходящих богомольцов не прошел кто-либо в келлии или куда-либо, кроме церкви, и для того одному из сторожей осматривать особливо (а паче в осеннее и в зимнее время) в заутрени неоднократно кельи как настоятельския, так и все братския, целы ли двери и прочее.

4-е. Во время ночное, равно и дневное, сторожу одному от сторожки никуда и ни на самое ближайшее время не отлучаться, но быть всегда безотходно, и коль скоро случающиеся проездом богомольцы пожелают быть в церкви, отнюдь не отказывая, немедленно дать знать чередному иеромонаху и пономарю.

5. Вести себя трезвенно и во всем опасно, а паче во время сторожи, так как повелено законами воинской службы часовому, о чем подтверждается убедительнейшим образом, сколько для предупреждения к соблюдению целости монастыря, сколько и для предохранения самих сторожей, дабы каждый знал, что в случае несчастных, от чего Боже сохрани, приключений, вся вина несмотрения падет на сторожей» [4].

Как правило, служители владели каким-либо ремеслом – портняжным, сапожным и башмачным; кузнечным, слесарным и столярным; иконописным и финифтяным. Для исполнения канцелярских работ монастырь содержал собственного светского подьячего. К примеру, по данным ведомости 1851 г., из 23 служителей, состоявших тогда в штате, только четверо не были обучены никакому ремеслу, а 19 человек имели следующую профессиональную специализацию: 4 финифтяных мастера, 4 сапожника, 3 портных, 2 повара и по одному живописцу, серебрянику, кузнецу, слесарю, печнику и часовому мастеру [5]. Отметим, что численное преобладание художников объяснялось тем обстоятельством, что Спасо-Яковлевский монастырь являлся значительным художественным центром. Многочисленные заказы на изготовление финифтяных икон и образков эта обитель осуществляла как для собственных нужд, так и по просьбам других монастырей и архиерейских кафедр [6].

Труд штатных служителей вознаграждался. По данным конца XVIII – начала XIX в., на жалование 16 служителям, вместе с подьячим, в год выделялось 354 руб. 60 коп. В среднем, на каждого приходилось около 20 руб. в год, к слову, штатным служителям платили столько же, сколько получали не имевшие сана монахи и послуш-

ники [7]. Ряд косвенных указаний подтверждает, что размер жалования дифференцировался путем определенных надбавок или дополнительных выплат. К примеру, достоверно известно, что больше других служителей получал подьячий, занимавшийся делопроизводством и оформлением монастырской документации. В конечном итоге, заработок каждого работника зависел как от степени престижности должности, так и от уровня индивидуального мастерства.

Сверх штатных окладов служителям выплачивали наградные или праздничные деньги. Пять раз в год, по большим праздникам, всем служителям выдавалось по одному рублю. Это случилось на Новый год, на Пасху и на Покров, а также в дни празднования памяти небесных патронов обители – святителей Иакова и Димитрия. Кроме того, в праздничные дни дополнительное вознаграждение получали сторожа и звонари, это была давняя традиция, оправданная тем, что именно в праздничные дни сторожам и звонарям приходилось особенно стараться – обеспечивать «целодневный звон» и следить за порядком в монастыре при значительном скоплении народа. Наконец, по традиции, существовавшей в монастыре, каждый служитель получал от монастыря по рублю на свои именины [8].

На службу в монастырь принимались только мужчины. Женщин нанимали для временных или сезонных работ, таких как стирка и мытье полов, уход за огородами, сенокос, заготовка продуктов на зиму – засолка огурцов и квашение капусты. Как правило, для этого приглашались жены или вдовы служителей [9].

Сыновья служителей, помимо грамоты, с детских лет обучались различным ремеслам, полезным для монастырского хозяйства; таким образом, монастырь своевременно заботился о воспитании нового поколения своих служителей. Когда в штате образовывались вакансии, монастырские власти не спешили заполнять их людьми «со стороны», а прибегали к их для служительских сыновей – «за наживанием совершеннолетия своих служительских детей, годных к помещению на убыль места» [10]. Своеобразная клановая замкнутость и семейственность в среде штатных монастырских работников были в чести.

Действительно, должности штатных служителей, как правило, передавались от отца к сыну. К примеру, ревизия 1833 г. сообщает данные о 13 семьях монастырских служителей. Из этого числа 8 семей, то есть почти $\frac{2}{3}$, представляли собой потомственные служительские династии, когда сыновья работали наряду со своими отцами или приходили им на смену – это Лысаковы, Кучеро-

вы, Балашовы, Слесаревы, Михайловы, Овчинниковы, Титовы и Усачовы. Особенно впечатляющей в этом отношении была семья Матвея Ивановича Лысакова. Трое из пяти его сыновей пошли по стопам отца и поступили в штатные служители Яковлевского монастыря: Иван – в 1809 г., Яков – в 1813 г. и Василий – в 1817 г. [11]

Жили монастырские служители, как правило, в собственных домах, которые стояли неподалеку от обители, на земле, принадлежащей монастырю. По установленным правилам, на один служительский двор отводился земельный участок шириной в 5 сажень и длиной от 20 до 30 сажень [12]. Традиционно жили большими патриархальными семьями, выросшие сыновья, даже вступая в брак, не спешили покидать отцовский дом. Так, в конце 1840-х гг. в доме служителя Василия Алексеевича Птичникова проживали три его взрослых сына – Константин, Александр и Николай, каждый из которых, как и отец, состоял в штате служителей, а у старшего к тому же имелась собственная семья с тремя детьми [13]. По месту расположения своих дворов большинство служителей относились к приходу церкви Архангела Михаила, располагавшейся рядом с монастырем.

Возраст зачисления в штат монастырских служителей варьировался от 10 до 20 лет. Случай, когда на службу брали неопытных подростков, скорее были исключением из правил, при этом ответственность за малолетних работников возлагалась на их отцов или старших братьев. Как правило, для официального зачисления в штат дожидались совершеннолетия. Уходили со службы, в большинстве своем, в преклонном возрасте, «по болезни» или «за старостью».

В качестве колоритной документальной иллюстрации приведем прошение служительского сына Александра Алексеевича Усачова об определении его в штат служителей, адресованное архимандриту Иннокентию и датированное августом 1844 г., точнее небольшой фрагмент этого обращения, в котором проситель обосновывает свое желание служить монастырю: «...вышеозначенный родитель мой, Алексей Дмитриев, служителем при монастыре был ... двадцать семь лет, ... за болезнью из штата уволен, на место ко-его тогда же определен в служителя из трех сынов его – старший брат мой Федор, а потом ... второй сын Николай так же определен на открывшуюся вакансию в служителя, при коих нахожусь я, последний, и обучаюсь грамоте и серебряному ремеслу на собственный кошт родителя, достиг уже от рода 19-ти лет, и ... должен избрать себе род жизни... Но как родитель мой был,

и два брата находятся служителями при показанной обители, и ведут жизнь в собственном доме, под отеческим Вашим покровительством, безнужную и спокойную, то и я, по природной склонности и навыку, с согласия родителей моих желаю поступить в служительское звание» [14].

Зачастую именно отцы являлись учителями сыновей, посвящая их во все тайны ремесла. Следовательно, дети обычно наследовали не только рабочее место в монастырском штате, но и профессию своих отцов. Неудивительно, что в среде монастырских служителей складывались настоящие профессиональные династии. Подобная семейственная преемственность в большей степени была свойственна художественным профессиям. Тем более, что обучение искусству иконописи или традиционному для Ростова ремеслу живописной финифти открывало широкие возможности. Дети служителей, успешно прошедшие курс обучения живописи, иконописи или финифти, могли, помимо исполнения общих служительских обязанностей, работать на заказ, получая дополнительное вознаграждение, как от монастыря, так и от частных заказчиков. Кроме того, хорошие художники в монастырском штате были на особом счету и пользовались определенными привилегиями. К примеру, лучшие монастырские финифтянщики освобождались от необходимости заниматься тяжелыми и «черными» хозяйственными работами в отличие от остальных служителей.

Прекрасным подтверждением наличия у монастыря хороших штатных художников могут служить семьи служителей Московцевых, Усачевых, Птичниковых.

Александр Алексеевич Московцев родился в первой половине 1770-х гг. в семье монастырского служителя, столяра Алексея Ивановича Московцева. В феврале 1786 г. был зачислен в штат служителей и определен «в обучение иконному художеству». Около 40 лет он служил монастырским иконописцем. Он скончался в 1828 г., а в спустя несколько лет его единственный сын Дмитрий, унаследовавший и талант, и мастерство своего отца, был зачислен в штат служителей и стал монастырским финифтяным мастером. Позднее, в 1860 г., туда же был определен старший сын Дмитрия Александровича Московцева, Василий [15]. Таким образом, представители трех поколений династии художников Московцевых в XIX веке исправно служили Яковлевскому монастырю, изготавливая для обители иконы и финифтяные образки.

Иной пример художественной династии, развернутой не вглубь, а вширь, явила семья Усаче-

вых. У штатного монастырского служителя Алексея Дмитриевича Усачева было три сына – Федор, Николай и Александр. Все трое стали прекрасными мастерами по росписи финифти, все трое были зачислены в штатные служители. Когда отец, без малого 30 лет отработав на монастырь, по болезни был вынужден оставить службу, его место занял старший из сыновей, Федор. Позже, когда подросли младшие братья, место в монастырском штате нашлось и для них [16]. Добавим, что Михаил – сын среднего из братьев, Николая, и внук Александр продолжили династию Усачевых, также став художниками и работая по монастырским заказам.

Справедливости ради отметим, что монастырь умел ценить не только талантливых финифтянчиков. На хорошем счету в обители были все, кто мастерски владел своим ремеслом, будь то сапожник, портной или простой сторож, каждый, кто вел себя должным образом и честно исполнял порученное ему дело.

В заключение следует подчеркнуть, что штатные монастырские служители занимали вполне определенное место в системе монастырского сообщества и играли заметную роль в обеспечении нормальной жизнедеятельности обители и правильного функционирования монастырского хозяйства. Должность служителя Яковлевского монастыря была достаточно престижной, ее ценили, ею дорожили и ей, как правило, посвящали всю свою жизнь.

Примечания

1. Селецкий Д. С. Описание Ростовскаго ставропигиального первокласснаго Спасо-Яковлевскаго-Димитриева монастыря и приписнаго к нему Спасскаго, что на Песках [Текст]. – СПб., 1849. – С. 76, 78.

2. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующаго Синода [Текст]. – СПб., 1913. – Т. XXI. – С. 1072.

3. «Из числа шестнадцати человек служителей, за распределением из них восьми человек к разным монастырским должностям, остающиеся для караула и работ восемь же человек имеют между собою держать череду, как и было всегда еженедельно, по четыре человека, из коих в ночном карауле быть по два, а в праздники для звона по три человека, и наблюдать тщательно и неусыпно». РГАДА. – Ф. 1407. – Оп. 1. – Д. 1185. – Л. 11. – 11 об.

4. ГМЗРК. – Ф. 289. – Оп. 13. – Д. 172. – Л. 42–48.

5. См.: Виденева А. Е. Художники круга Спасо-Яковлевского монастыря в конце XVIII – начале XX века [Текст] // Чтения памяти И. П. Болотцевой. – Ярославль, 2000. – С. 36–67; Федорова М. М. Ростовская финифть и Ростовский Спасо-Яковлевский Димитриев монастырь [Текст] // Свяtitель Димитрий

митрополит Ростовский. Исследования и материалы. Спасо-Яковлевский Димитриев монастырь. – Ростов, 2008. – С. 431–445.

6. [Селецкий Д. С.] Описание Ростовскаго ставропигиального первокласснаго Спасо-Яковлевскаго-Димитриева монастыря ... С. 76.

7. ГМЗРК. – Ф. 289. – Оп. 13. – Д. 115. – Л. 31, 49, 54, 58.

8. См., напр.: ГМЗРК. – Ф. 289. – Оп. 13. – Д. 115. – Л. 57. Выписка из приходо-расходной книги 1839 г.: «Заплачено огородницам служительской жене, Ивана Наумова жене и крестьянской дев. Наталье Логиновой за садку весной семян и капусты в большом огороде на 140 и в новом замонастырном на 33-х грядках и за двукратное летом полотье оных по условию – 50 рублей. Дано служительским женам Анне Платоновой Птичниковой с прочими осмью за нарубку капусты впрок на годовую препорцию 16 дощанов – 28 рублей 5 копеек. Да за мытье полов в настоятельских и трапезных кельях и кухнях на праздник Св. Димитрия – 7 рублей».

9. ГМЗРК. – Ф. 289. – Оп. 13. – Д. 141. – Л. 339.

10. РГАДА. – Ф. 1407. – Оп. 1. – Д. 1159. – Л. 10 об.-11.

11. ГМЗРК. – Ф. 289. – Оп. 13. – Д. 172. – Л. 42–43 об.

12. ГМЗРК. – Ф. 289. – Оп. 13. – Д. 172. – Л. 42–43 об.

13. ГМЗРК. – Ф. 289. – Оп. 13. – Л. 141. – Л. 342.

14. РГАДА. – Ф. 1407. – Оп. 1. – Д. 1159. – Л. 9 об. – 10, 24 об. – 26.

15. РГАДА. – Ф. 1407. – Оп. 1. – Д. 1159. – Л. 27 об.–28.